

DOI 10.32726/2411-3417-2023-4-111-120

УДК 94(47)

Ольга Поршнева

Власть и общество в условиях национальной мобилизации в годы Первой мировой войны: российский опыт

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отношений власти и общества в России в условиях Первой мировой войны. Показано, что начало войны ознаменовалось патриотическим подъемом, сложились институциональные основы и практики сотрудничества власти, общественных организаций и населения в решении задач военного времени. Однако предпринятая в 1915–1916 гг. атака либеральной оппозиции на самодержавную власть, раскол в правящей элите, возросшее социальное недовольство привели к Революции 1917 г., предопределившей выход России из войны.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, национальная мобилизация, власть, общество, сотрудничество, конфронтация.

Первая мировая война стала беспрецедентной в мировой истории по степени вовлеченности гражданского населения в военные усилия государств. Без прямой поддержки гражданского общества переход к «тотальной войне» — новому типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, — был бы невозможен [Ферстер. С. 25]. Изучение исторического опыта российской национальной мобилизации в условиях испытаний Первой мировой войны позволит лучше понять причины ее неудачного для России исхода, перехода от сотрудничества власти и общества к конфронтации, завершившейся Революцией и крахом традиционной российской государственности.

Обоснование причин и характера участия России в европейском конфликте было дано в Высочайших манифестах Николая II от 20 и 26 июля 1914 г.: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, «единокровных и единоверных братьев-славян» [Царские слова... С. 1]. Составителям царского манифеста удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отклик в сознании многих жителей империи [Колоницкий. С. 84]. В российских городах в июле — начале августа 1914 г. прошли массовые манифестации, в сельской местно-

Сведения об авторе: ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна — заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук, o.s.porshneva@urfu.ru.

сти — молебны, участников которых объединяли патриотические, промонархические и религиозные настроения¹ [Палеолог. С. 73].

Успешно прошла всеобщая мобилизация: 96% подлежащих призыву явились на мобилизационные пункты [Головин. С. 120]. Если до объявления общей мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 человек, то после ее осуществления и проведения дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн человек [Россия в мировой... С. 18].

Важной составляющей образа справедливой войны стало представление о выполнении Россией особой миссии: защиты славян, Европы и мира от «германизма». Последний ассоциировался с жестокостью, стремлением к завоеваниям, националистическим высокомерием, отрицанием христианских ценностей [Великая война России... С. 133; Россия борется за правду. С. 4]. Православное понимание событий воплощалось в формуле «борьбы за правду Святой Руси»: «Россия борется за Богом благословенную правду» [Россия борется за правду. С. 4], «Русь всегда боролась за правое дело, за справедливость» [Там же. С. 30], «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев» [Великая война 1914 года. С. 4] — эти символы национального сознания, имея глубокую культурную укорененность, оказывали в начале войны заметное влияние на ее восприятие различными слоями населения [Некрылова. С. 116; Hubertus. P. 14; Petrone. P. 98].

В условиях патриотического подъема заговорили о начавшейся войне как «второй Отечественной»²; наиболее распространенной аналогией, к образу которой обращались публицисты и общественные деятели, стала Отечественная война 1812 г.³

После вступления страны в войну проявилась насущная необходимость сотрудничества власти и общества в решении задач военного времени. Это объяснялось непредвиденными масштабами военных действий, сложностью мобилизации тыла в условиях ведения индустриальной войны нового типа. Уже в августе 1914 г. возник ряд общественных организаций, призванных помогать правительству, армии и населению в военных условиях. Наиболее влиятельными из них стали Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский городской союз (ВГС) [Особый циркуляр МВД № 37... С. 11–12; Особый циркуляр МВД № 8678. С. 58–59]. Первоначальная компетенция этих организаций включала врачебно-санитарные мероприятия, однако постепенно сфера их деятельности значительно расширилась [Астров. С. 9–13; Судавцов. С. 242].

Земский и Городской союзы, как и другие общественные организации, стали цен-

1 ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 123. 1914 г. Д. 14 ч. 7. Л. 17; Д. 73. ч. 7. Л. 16; Д. 90. ч. 7. Л. 16.

2 Оренбургская газета. 1914. 24 сентября; Пермские ведомости. 1914. 1, 8 августа. Оренбургская жизнь. 1914. 1 августа.

3 Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423, 427; Петроградские ведомости. 1914. 24 августа (6 сентября). № 191; Московские ведомости. 1914. 23 июля. № 170, 25 июля. № 172; Биржевые ведомости. 1915. 19 июля (1 августа), вечерний выпуск.

трами общественной самодеятельности. Под их руководством на местах действовали возникшие «снизу» добровольные общественные объединения, такие как комитеты служащих земств, попечительские комитеты при лазаретах, дамские кружки и др. Помимо «цензовых» элементов, союзы включали в свои ряды широкие демократические слои населения [Судаев. С. 248; Шевырин. С. 69; Баженова, Поршнева. С. 46–47].

Организацией, аккумулировавшей совместные усилия власти и общества, было Российское общество Красного Креста, которое оказывало медицинскую помощь военнослужащим, военнопленным, гражданскому населению, пострадавшему от эпидемий и военных действий, предоставляло продовольствие малоимущим, заготавливало сельскохозяйственную продукцию¹. Под эгидой РОКК функционировала целая сеть благотворительных организаций и учреждений, оно сотрудничало с другими общественными и государственными структурами: ВЗС и ВСГ, губернскими земствами, Синодом, военным ведомством, учебными заведениями.

Небывалых масштабов достигла в годы войны благотворительная деятельность, опиравшаяся на богатый опыт и традиции [См.: Ульянова; Булгакова]. В экстремальных условиях военного времени резко возросли спектр социальных категорий нуждающихся и их численность. В начале XX в. в России было 4762 благотворительных общества, 2965 из которых подчинялись Министерству внутренних дел [Булгакова. С. 314–319]. В годы войны возникли многочисленные новые организации, как универсального характера, так и специализированные [Грицаева. С. 10]. Благотворительные организации, органы местного самоуправления координировали развернувшееся движение помощи фронту, солдатам и их семьям. Оно выражалось в добровольном безвозмездном труде по оборудованию лазаретов, приютов для инвалидов и сирот, яслей, строительству барачных для беженцев, изготовлению белья, заготовке и отправке в действующую армию предметов первой необходимости, рождественских и пасхальных подарков, внесении пожертвований. На денежные пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдаткам выдавался дополнительный к казенному паек [См.: Семенова; Власова; Казаковцев; Баженова, Поршнева; и др.]. Значительная часть пожертвований собиралась во время общественных мероприятий — благотворительных концертов, лотерей, лекций, чтений, вечеров, выставок, базаров. В годы войны активизировалась приходская благотворительность Русской православной церкви, благотворительную деятельность осуществляли и неправославные этноконфессиональные общества [Казакова-Апкаримова. С. 270–272, 276–278; Цовян. С. 21–24].

Ситуация в стране и общественные настроения стали меняться после поражений русской армии весной-летом 1915 г., сопровождавшихся тяжелыми потерями. «Великое отступление» дало импульс «патриотической тревоге» общественности, либеральная оппозиция возобновила свое противостояние с правительством, координируя его с помощью созданного в августе 1915 г. в Государственной думе Прогрессивного блока.

¹ Вестник Красного Креста. 1917. № 1. С. 2, 3.

Предписание Ставки военной цензуре ограничиться наблюдением за сохранением военной тайны открыло широкий простор для критики правительства в газетах [Ганелин, Флоринский. С. 17]. На страницах легальной демократической прессы в 1915 — начале 1917 гг. велась пропаганда радикальных политических и социально-экономических преобразований, осуществление которых, по мнению оппозиционных публицистов, являлось необходимым условием для достижения военных успехов. Так, в одной из редакционных статей «Пермской жизни» говорилось: «Война обострила глубокие противоречия между отжившими формами управления и теми задачами, которые стоят перед страной... Ряд крупных неудач на военном театре, с одной стороны, и всерастущая хозяйственная дезорганизация, с другой, явились естественными неизбежными последствиями этих противоречий. Перед страной встала задача общественно-политического обновления» [Пухов. С. 360]. Выступая за изменение формы государственного устройства, демократические издания способствовали дестабилизации внутриполитической ситуации в стране в условиях масштабного военного конфликта [Там же. С. 361]. В городе и деревне стали распространяться слухи об измене в верхах (их можно реконструировать по материалам Министерства юстиции за 1915–1916 гг.)¹. Как справедливо отмечает Б.Н. Миронов, «искусно разжигалась ненависть к существующему режиму и правящей династии, которую во время Первой мировой войны голословно обвиняли в государственной измене» [Миронов. С. 158].

Не только со страниц печати, но и с трибун Думы, органов местного самоуправления и общественных организаций зазвучали завуалированные и прямые требования создания «министерства общественного доверия» или «ответственного перед Думой правительства».

Николай II в этой ситуации согласился привлечь к руководству делом обороны представителей буржуазии и либеральной общественности, санкционировав летом 1915 г. создание Особого совещания по государственной обороне, Военно-промышленных комитетов (ВПК), объединенного комитета Земского и Городского союзов — Земгора, «главного по снабжению армии комитета».

В ВПК входили представители торговли и промышленности, общественных организаций, правительственных учреждений, научно-технических сил (ученых, инженеров, техников), кооперативов. Осенью 1915 г. по инициативе крупного текстильного фабриканта, товарища председателя IV Государственной думы, основателя Всероссийского союза торговли и промышленности А.И. Коновалова при ВПК были созданы рабочие группы с целью поддержания гражданского мира, обеспечения социального партнерства рабочих и буржуазии. К февралю 1917 г. из общего числа 240 ВПК в 58 были созданы такие группы. Они имели собственный руководящий орган в виде Рабочей группы ЦВПК, издавали бюллетени и даже проводили свои всероссийские совещания. В то же время существовал ряд факторов, препятствовавших реализации идеи сотрудничества рабочих и буржуазии в рамках ВПК. Негативные установки рабо-

1 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476.

чих в отношении буржуазии, временно ослабленные под влиянием патриотического подъема в начале войны, были реанимированы и получили дополнительные импульсы летом 1915 г.

В условиях развития в стране политического кризиса ВПК стали частью оппозиционных правительству сил. Их члены, а особенно руководство ЦВПК во главе с А.И. Гучковым, разделяли платформу Прогрессивного блока в Думе, требования либеральных реформ. Со своей стороны, правительственные верхи, бюрократия воспринимали буржуазных лидеров ВПК как конкурентов, вторгающихся в сферу компетенции государственной власти. В то время как эпицентром политической деятельности комитетов был ЦВПК, провинциальные ВПК в своем большинстве были заняты каждодневным решением хозяйственно-экономических задач.

Одной из острых социальных проблем, усугублявшихся начиная с весны-лета 1915 г., стала продовольственная. Несмотря на то, что действительного недостатка продовольствия в империи не было [Миронов. С. 146–147], рост населения городов из-за притока в них крестьян, беженцев, военнопленных, увеличение потребностей армии, перебои в работе транспорта, неудачные меры административного регулирования рынка привели к тому, что уже весной 1915 г. проявились нехватка продовольствия в городах и рост цен на него [См.: Кондратьев. С. 155, 160]. На страницах легальной левой прессы с весны 1915 г. широко обсуждались как продовольственный вопрос, так и проблема несправедливости в распределении тягот войны. Ставился под сомнение патриотизм торговцев и промышленников, прежде всего купечества, обвинявшегося в забвении интересов единства фронта и тыла, в заботе главным образом о собственной наживе. Газета «Оренбургская жизнь» в статье «Купеческие слезы» в мае 1915 г. писала: «Нельзя молчать, будучи свидетелем прогрессирующей в своем росте дороговизны на предметы первой необходимости. К сожалению, нас не могут удовлетворить работы комиссии при Городской думе для урегулирования цен на предметы первой необходимости, ... интересы потребителей там мало и слабо защищаются, ибо большинство членов — купцы»¹. В газете «Уральская жизнь» звучало требование к промышленникам «показать себя Мининскими» и, участвуя в деле снабжения армии, не преследовать интересы наживы². Автор статьи о дороговизне в газете «Уфимская жизнь» утверждал: «Наш купец, при всем его патриотизме, любит «пользоваться случаем» — наживаться в условиях дефицита товаров»³. В газетах, кроме того, приводились сведения о темпах роста цен на местных рынках, что, наряду с критикой буржуазии и местных органов власти за эгоизм и бездействие, было дополнительным фактором, фокусирующим внимание малоимущих городских слоев на проблеме дороговизны и разжигающим чувство враждебности по отношению к торговцам. Купцов, мелких торговцев подозревали в умышленном укрывании продуктов с целью усиления дороговизны и обеспечения наживы, что регулярно отмечали в сво-

1 Оренбургская жизнь. 1915. 6 мая.

2 Уральская жизнь. 1915. 5 июня.

3 Уфимская жизнь. 1915. 8 апреля.

их отчетах полицейские чины¹.

С весны 1915 г. в городах и промышленных поселках проходили продовольственные волнения, носившие характер погромов лавок, магазинов, складов [См.: Кирьянов; Канищев]. Участниками этих выступлений были солдатки, рабочие, работницы, подростки. Поскольку зачинщицами и главными участницами волнений были женщины, солдатки и работницы, они получили название «бабьих бунтов». Эти бунты в феврале — ноябре 1916 г. охватили Воронежскую, Нижегородскую, Кубанскую, Оренбургскую, Ставропольскую, Харьковскую, Таврическую, Черниговскую, Подольскую, Киевскую губ., почти все Поволжье и Урал, некоторые районы Сибири [Канищев. С. 47–48].

Земства и города получили право заготовки и продажи хлеба по твердым ценам. В середине 1916 г. по инициативе Союза городов был создан Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу [Судацов. С. 277]. Однако земства не смогли результативно провести хлебозаготовки из-за недоверия к земским заготовителям со стороны крестьянства, местного использования земствами железных дорог, финансовых проблем² [Судацов. С. 273–280; Мацузато. С. 146].

Показательна реакция крестьян на введение твердых заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию. 17 февраля 1915 г. командующие военными округами наделялись правом устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупаемые для армии, реквизировать продукты по пониженным ценам, запрещать вывоз продовольствия из любой местности в пределах округов. До сентября 1916 г. существовали параллельно твердые, по закупкам для нужд армии, и рыночные цены на хлебные продукты; только по Указу 9 сентября 1916 г. были установлены твердые цены для всех сделок без исключения [Оськин. С. 53–56]. В условиях, когда цены на промышленные товары росли, а торговые посредники перепродавали заготовленный по твердым ценам хлеб, у крестьян нарастало ощущение несправедливости экономической политики правительства. Крестьянки-солдатки стали главными участницами выступлений против реквизиций хлеба из хлебозапасных магазинов по твердым ценам. Они вместе со стариками, вооружившись вилами, вставали на их охрану, не подпуская к ним представителей земств. Мотивом таких действий было широко распространенное среди крестьян убеждение, что хлеб пойдет не на фронт, а земскому начальству, которое перепродает хлеб частным скупщикам³.

В деятельности центральных и местных общественных организаций проявлялись противоречия и многообразие мотивов участия индивидов и групп в национальной мобилизации. Так, крупная буржуазия, войдя в условиях войны в центральные и мест-

1 ГАРФ. Ф. 102. ДП МВД 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Л. 10; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 333. Л. 50, 73, 145.

2 ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Д-во Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч 2. Л. 1; Д. 15. Ч. 3. Л. 4, 8; Д. 50. Ч. 3. Л. 19, 23; ГАПО Ф. 65 Оп. 1 Д. 333. Л. 252, 280, 296, 297, 298; Д. 334. Л. 8, 11, 26; Д. 1040. Л. 4.

3 ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Д-во Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч 2. Л. 1; Д. 15. Ч. 3. Л. 4, 8; Д. 50. Ч. 3. Л. 19, 23; ГАПК Ф. 65 Оп. 1 Д. 333. Л. 252, 280, 296, 297, 298; Д. 334. Л. 8, 11, 26; Д. 1040. Л. 4.

ные правительственные структуры, использовала их, а также сам аппарат ВПК, для обеспечения своих экономических, а в ряде случаев монополистических интересов путем давления на мелкую и среднюю промышленность, политическое давление на правительство. Работа в штате ВЗС, ВСГ, Земгора, освобождавшая от военной службы лиц призывного возраста, привлекала немало людей именно этой возможностью. По мере затягивания войны, роста ее жертв и лишений вызревало недовольство (особенно в низах русского общества, среди крестьян, рабочих и солдат) тем, что буржуазия «укрывается» от мобилизации в тылу и «наживается на войне».

В сентябре 1915 г., в ответ на роспуск Думы и в связи с военными неудачами и неурядицами в тылу, съезды представителей земств и городов приняли резолюции с требованиями политических реформ и создания министерства общественного доверия [Куликов. С. 19–24]. Николай II отказался принимать делегатов съездов, однако считал, что это не полный разрыв между ним и союзами, а попытка вернуть их в рамки закона, за которые они вышли, позволив себе заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью. Царь являлся сторонником сотрудничества правительства и союзов, но в рамках основных законов, которым явно противоречили резолюции сентябрьских съездов [Там же. С. 24]. Он усматривал в них опасность политической дестабилизации, импульсом к которой могут стать реформы во время войны. Как писал историк С.С. Ольденбург, Николай II «считал, что власть должна быть единой; особенно во время войны недопустимо, чтобы министры „служили двум господам“: Монарху, на котором вся ответственность, и „обществу“, неуловимому и изменчивому в своих настроениях» [Ольденбург. С. 671].

После речи лидера Прогрессивного блока П.Н. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г., в которой он фактически обвинил правительство в измене, накал противостояния власти и либеральной общественности стал стремительно нарастать. Правительство запретило проведение в декабре 1916 г. съездов ВЗС и ВСГ, но они прошли явочным порядком, приняв антиправительственные резолюции. 3-й съезд ВПК в декабре 1916 г. был прерван, а в январе 1917 г. арестованы члены Рабочей группы ЦВПК. 11 января 1917 г. был издан циркуляр министра внутренних дел А.Д. Протопопова, предписывавший губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания [Куликов. С. 28]. Состояние конфронтации между властью и обществом на рубеже 1916–1917 гг., нарастание общественного недовольства, протестных настроений, усталости от войны наглядно демонстрируют документы официального и личного происхождения [Доклад Петроградского. С. 247–280; Ольденбург. С. 700, 708, 718]. Легальная газета «Оренбургское слово» 15 декабря 1916 г. в статье «Измененная Россия» писала: «Не разочарование утомило Россию, а сознание бессмысленности, неоправданности страданий. Россия страдает от того, что какая-то великая бездарность распорядилась ее судьбой (имелся в виду Г. Распутин — О.П.) ... Эта бездарность убила тот порыв, которым была охвачена Россия, и уголь пылающий сумела превратить в золу»¹.

1 Оренбургское слово. 1916. 15 декабря.

Таким образом, в 1915–1916 гг. в полной мере проявились конфликт самодержавной власти и большинства государственной Думы, либеральных общественных организаций, либеральной и демократической общественности. Как отмечает Б.Н. Миронов, «в Первую мировую войну оппозиционная элита не проявила мудрости и воспользовалась ослаблением верховной власти, чтобы ее свергнуть и самой прийти к управлению, не обладая для этого необходимой компетенцией и не предвидя всех роковых последствий такого шага» [Миронов. С. 161]. Власть и общество прошли путь от единения и сотрудничества к конфронтации, завершившейся свержением монархии в ходе Февральской революции 1917 г.

В период Революции, с Февраля по Октябрь 1917 г., общественные организации стали опорой Временного правительства в осуществлении государственного регулирования, получив широкие права и полномочия. Однако параллельно набирали обороты и стали доминировать другие процессы – развитие революционного кризиса, приведшего к нарастанию массового недовольства войной и Временным правительством, падению авторитета общественных организаций, доставшихся от «царского режима». По мере развития событий после Февраля 1917 г. происходило неуклонное падение авторитета Временного правительства, нарастание антивоенных настроений, революционной стихии, охватившей фронт и тыл. Проект национальной мобилизации во имя победы в войне / обороны от внешнего врага, ознаменовавшийся плодотворным сотрудничеством власти и общества в первые годы своего осуществления, оказался дискредитированным, а затем свернутым в результате Октябрьского большевистского переворота. В России, в условиях невиданной по масштабам и бедствиям войны, проявились острые социальные противоречия, порожденные ускоренной модернизацией, а механизмы национальной интеграции оказались неэффективными, будучи ослабленными расколом в правящей элите и борьбой за власть.

Литература

- Астров Н.И.* Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации союза / Н. И. Астров. М. 1917.
- Баженова К.Е., Поршнева О.С.* Эволюция деятельности организаций Всероссийского земского Союза и Всероссийского Союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Саарбрюккен. 2011.
- Булгакова Л.А.* Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб. 2001.
- Великая война 1914 года. Пг. 1914.
- Великая война России за свободу и объединение славян. Сб. ст. для школьных и народных библиотек. Под ред. Д.И. Тихомирова. М. 1914.
- Власова А.Н.* Благотворительность на Урале во второй половине XIX–XX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Челябинск. 2004.
- Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому

- осмыслению. М. 1997.
- Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х тт. Париж. 1939. Т. 2.
- Грицаева, А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий. Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 2008.
- Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. М. 2000. С. 247–280.
- Казакова-Анкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX — начало XX в.) Екатеринбург. 2008.
- Казаковцев С.В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2007. № 7.
- Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов. 1995.
- Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3.
- Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны». М. 2010.
- Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. 1991.
- Куликов С.В. Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского Союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб. 2008.
- Мацузато К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. Саппоро. 2001.
- Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб. 2019.
- Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — нач. XX в. Л. 1988.
- Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Нижний Новгород. 2013. Т. 1.
- Особый циркуляр МВД № 37 от 16 августа 1914 г. по Высочайшему повелению о разрешении деятельности Всероссийского земского союза // Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам. Известия Главного Комитета. 1914. № 1. С. 11–12.
- Особый циркуляр МВД по Высочайшему повелению № 8678 от 24 августа 1914 г. о разрешении деятельности Всероссийского союза городов // Известия Всероссийского союза городов. 1914. № 2. С. 58–59.
- Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 г.: поиски выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–56.
- Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
- Пухов Д. Легальная демократическая печать на Урале в период Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) (по материалам Вятской и Пермской губерний) // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург. 2003.
- Россия борется за правду. М. 1914.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. 1925.

Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.). Самара. 2000.

Судацков Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1964–1918: в 2 кн. Кн. 2. 1905–1918. М. 2005.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX в. М. 2005.

Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск. 2007.

Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг. 1914.

Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 2005.

Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М. 2003.

Hubertus F. Jahn. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca and London. 1995.

Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War // Borderlines. Gender and Identities in War and Peace, 1870–1930. N.Y. 1998.

*Статья публикуется в рамках проекта
«"Сим победиши!" Российское общество и армия в моменты испытаний»,
реализованного при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.*